

МАРИ АЛВИ

18+

СВЯЗАННЫЕ ЭФИРОМ

ЧУЖАЯ
КОРОНА

КНИГА ПЕРВАЯ

Мари Алви

Чужая Корона

<https://litres.ru/74184678>

SelfPub; 2026

Аннотация

После смерти Артура, Мира Эверли пытается удержать то, что осталось у её семьи. Ресторан уже потерян, дом под угрозой, а привычная жизнь рассыпается быстрее, чем она успевает её спасти.

Однажды утром ворон приносит в её комнату старинный медальон. Он открывает дневник человека, чьё имя мать Миры скрывала двадцать два года, — и путь в Ардеван.

По ту сторону разрыва Миру называют дочерью короля Огня и наследницей древнего трона. Ардевану нужна королева. Советник Аристей ждёт, что она исполнит долг, о котором ещё вчера ничего не знала. Сама Мира хочет лишь вернуться домой.

Но чем дольше она остаётся, тем труднее не замечать цену, которую Пределы платят за порядок четырёх королевств. И тем опаснее становится её доверие к Кайрэну — герцогу, который знает о её появлении больше, чем готов рассказать.

Чтобы перестать быть решением чужих проблем, Мире придётся впервые спросить себя, какой мир она сама готова назвать своим.

Содержание

Глава 1. Чужие ключи	4
Глава 2. Пока дом ещё наш	30
Г	55
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Мари Алви

Чужая Корона

Глава 1. Чужие ключи

В машине было так тихо, что я слышала, как белый пакет шуршит у меня на коленях.

Ева сидела сзади, прижавшись лбом к стеклу, и уже несколько минут ничего не говорила. Для неё это было почти страшнее крика. Обычно она заполняла любую паузу — жаловалась на погоду, комментировала чужое вождение, придумывала биографии людям на остановках. Сейчас молчала.

Дэн вёл аккуратно, положив обе руки на руль. Музыка не включил, хотя обычно они с Евой начинали спорить о плейлисте ещё до того, как машина выезжала со двора.

В пакете лежали три старых меню из папиного ресторана. Больше я забрать не успела.

Да и эти три листа отдали не сразу. Мужчина в серой рубашке сначала сказал, что выносить ничего нельзя. Потом посмотрел на меня — на руки, на лицо, на то, как я стояла перед дверью с новым замком, — и всё-таки махнул кому-то за спиной.

Через минуту мне принесли пакет.

— Вот. Это было у стойки.

У стойки.

Как будто речь шла не о месте, где папа двадцать лет здоровался с каждым вторым гостем по имени.

Как будто это было просто помещение.

Я держала пакет обеими руками. Ручки врезались в пальцы, но я не ослабляла хватку. От бумаги пахло пылью и старым картоном. Где-то под этим запахом мне чудился ресторан — горячее тесто, кофе, лимонная цедра, папина рубашка, пропитанная кухонным дымом.

Наверное, мне просто очень хотелось, чтобы хоть что-то ещё пахло им.

Телефон снова завибрировал.

Я не посмотрела.

Ева шевельнулась на заднем сиденье.

— Роберт?

Я кивнула.

— Четвёртый раз?

— Пятый, если считать сообщение.

Она открыла рот, но ничего не сказала.

Это тоже было странно.

Дэн взглянул на меня в зеркало заднего вида.

— Можешь не отвечать.

На экране снова загорелось имя Роберта.

Я знала, что будет, если продолжу игнорировать звонки. Сначала он позвонит Еве, потом Дэну, а если достаточно сильно испугается или разозлится — маме. Роберт редко хо-

тел сделать хуже. Он просто не умел останавливаться, когда волновался.

Он просто не умел останавливаться, когда волновался.

Я приняла вызов.

— Роберт.

— Ты где?

Я закрыла глаза.

Не «как ты?». Не «что случилось?».

Сначала — где.

— Мы едем домой.

— Почему ты не отвечаешь?

Вопрос был нормальный. Даже логичный. Я действительно не отвечала.

Но от него всё равно стало теснее в груди.

— Потому что не могла говорить.

— Ты могла написать хотя бы точку. Я волновался.

На заднем сиденье Ева отвернулась к окну.

Я заметила это и сильнее сжала телефон.

— Я понимаю.

— Ты поехала туда с Евой и Дэном?

— Да.

— А мне сказать было нельзя?

Дэн перестроился в правый ряд. Ева перестала шуршать курткой. В машине стало ещё тише.

— Роберт, мне позвонили и сказали освободить ресторан. Ева была рядом, Дэн нас отвёз. Это не было заранее запла-

нировано.

— Я тоже мог отвезти.

— Я знаю.

— Но ты не позвонила мне.

Я посмотрела в окно. За стеклом тянулись мокрые серые дома, вывески аптек и люди на остановках. У кого-то в руках был пакет с продуктами, у кого-то — зонт. Обычный день почему-то продолжался, хотя папин ресторан уже был за chiusim замком.

— Сейчас правда не момент.

— У тебя всегда не момент.

Я промолчала.

Не потому, что мне нечего было ответить. Как раз наоборот. Если начать, я не остановлюсь. А на разговор, после которого придётся ещё и исправлять Робертову обиду, у меня не осталось сил.

— Мы будем дома минут через пятнадцать, — сказала я.

— Можешь приехать. Только, пожалуйста, не начинай с порога.

— Я не собирался начинать.

— Хорошо.

— Я просто хочу быть рядом.

Это была хорошая фраза.

Правильная.

И всё равно от неё почему-то стало тяжелее.

— Тогда будь рядом. Только не делай так, будто мне сей-

час нужно ещё и отчитываться перед тобой.

На другом конце повисла пауза.

— Я приеду, — сказал Роберт.

— Хорошо.

Я отключилась и положила телефон экраном вниз рядом с пакетом.

Ева наконец выдохнула.

— Я ничего не скажу.

Я повернула голову.

— Спасибо.

— Но ты должна оценить масштаб моего подвига.

— Ева, — тихо произнёс Дэн.

— Всё. Молчу.

И она правда замолчала.

Я снова посмотрела на пакет. Один угол меню торчал из-под белой бумаги. На нём виднелась часть старого логотипа — маленькая ветка лимона, которую папа нарисовал от руки ещё до того, как они с мамой заказали нормальную печать.

Он тогда три вечера спорил, что логотип «должен быть живым».

Мама отвечала, что живым должен быть бухгалтерский баланс.

Папа говорил, что баланс они как-нибудь уговорят.

Тогда я смеялась.

Сейчас от этого воспоминания стало так больно, что я перевернула пакет рисунком вниз.

— Маме как скажем? — спросила Ева.

Дэн остановился на красный. Машины впереди встали плотной линией. Кто-то сигналил, хотя ехать всё равно было некуда.

Я провела большим пальцем по ручке пакета.

— Как есть.

Ева скривилась.

— «Как есть» обычно самый ужасный вариант.

— А какой есть не ужасный?

Она не ответила.

Дэн постучал пальцем по рулю. Один раз. Второй.

— Мы скажем вместе.

Я подняла на него глаза.

— Что?

— Мы были там вместе. Видели одно и то же. Ты не обязана заходить и объяснять всё одна.

Ева кивнула, уже без шутки.

— Да. Вместе.

Я хотела сказать, что не надо. Что это моя мама, моя сестра, моя семья и моя проблема. Хотела по привычке забрать всё себе, а потом самой же не выдержать.

Но пакет на коленях казался тяжёлым, как камень.

— Хорошо, — сказала я.

Голос получился тише, чем хотелось.

Дэн тронул машину с места.

Дом был уже близко.

Слишком близко.

Мне хотелось, чтобы дорога растянулась ещё хотя бы на десять минут. Чтобы мы немного дольше оставались в машине, где плохое уже случилось, но его пока не нужно было произносить вслух.

Через несколько минут Дэн свернул во двор.

Мы жили в обычном четырёхэтажном доме с бежевыми стенами, давно потерявшими первоначальный цвет. Возле подъезда всё ещё стояло старое кресло, которое жильцы уже неделю собирались вынести, но каждый день проходили мимо, будто оно когда-нибудь само сдастся и уйдёт.

Я подняла голову.

На четвёртом этаже шевельнулась занавеска.

— Фиона.

Ева тоже посмотрела наверх.

— Маленький семейный радар.

Занавеска исчезла. Через несколько секунд на балкон вышла мама. На ней была домашняя кофта, волосы собраны наверх, в руке кухонное полотенце. Фиона появилась рядом почти сразу, просунув голову под её рукой.

— Мира! — крикнула мама. — Всё нормально? Что случилось?

Я вышла из машины, но ответить не смогла.

Мама стояла на нашем балконе рядом с цветком в старом горшке, который папа каждый год собирался пересадить и каждый год забывал. Фиона была босая, в домашней фут-

болке. На перилах висело полотенце, в кухонном окне горел тёплый свет.

Всё выглядело нормально.

А мне нужно было подняться и сказать им, что ресторан больше не наш.

— Сейчас зайдём! — крикнула Ева вместо меня.

Фиона наклонилась через перила.

— Что значит «зайдём»? Что случилось?

— Фиона, не падай с балкона, — сказал Дэн.

— Не командуй мной с земли!

Ева тихо фыркнула, но сразу замолчала.

Мама больше ничего не спрашивала. Просто смотрела на меня так, будто уже поняла: хороших новостей нет.

В подъезде пахло пылью, влажной тряпкой и жареным луком. Лифт снова не работал. На двери висела бумажка: «Мастер вызван». Судя по выцветшим чернилам, мастер был вызван ещё в прошлой жизни.

Ева посмотрела на лестницу.

— Четвёртый этаж пешком. Прекрасно.

Никто не ответил.

Я пошла первой. Пакет бился о бедро на каждой ступеньке.

На втором этаже я остановилась.

Не специально. Просто в какой-то момент тело отказалось идти дальше.

Ева почти врезалась в меня.

— Мир?

— Секунду.

Дэн остановился ниже, между этажами. Не стал говорить, что всё будет нормально. Ева тоже промолчала и даже не положила руку мне на плечо.

Я держалась за перила и смотрела на облупленную стену. Кто-то давно нарисовал на ней маленькую звезду шариковой ручкой.

Папа однажды увидел её, когда поднимался с пакетами из магазина, и сказал, что у нашего подъезда появился собственный рейтинг отеля.

«Одна звезда. Лифт не работает, но атмосфера аутентичная».

Я зажмурилась.

Не сейчас.

Сделала вдох. Потом ещё один.

И пошла дальше.

Дверь квартиры открылась раньше, чем мы дошли до площадки.

Фиона стояла босиком, в широкой футболке, с таким лицом, будто готовилась ругаться, плакать и кусаться одновременно.

— Что случилось?

— Дай нам зайти.

— Нет, сначала скажи.

— Фион.

Она посмотрела на пакет в моей руке.

— Это из ресторана?

Я не ответила.

Фиона отступила.

На кухне уже стояла мама. На столе были чашка с недопитым кофе, открытая пачка печенья и стопка документов, которые за последние дни будто размножились сами. Каждый раз, когда я заходила на кухню, бумаг становилось больше.

Ева подошла к окну. Дэн остался у дверного проёма — его давно приняли в нашей семье, но он всё ещё старался не занимать слишком много места в чужой беде.

Мама посмотрела на пакет.

— Что там?

Я поставила его на стол. Ручки медленно разогнулись.

— Нам утром позвонили.

— Кто?

— Не знаю. Мужчина. Сказал, что ресторан нужно освободить. Что туда заходят новые владельцы.

Фиона резко выпрямилась.

— Какие новые владельцы?

Я попыталась ответить, но слова застряли.

— Мы поехали туда, — сказал Дэн. — Я, Мира и Ева.

Мама посмотрела сначала на него, потом на меня.

— Вы были там?

Я кивнула.

— Да.

— И?

— Замок сменили.

Фiona тихо произнесла:

— Нет.

— Вывеску тоже сняли.

Мама опустилась на стул. Очень медленно, как будто если делать всё медленно, можно не упасть.

— Мартин сказал, что решит вопрос. Сказал, что деньги уйдут на закрытие старых долгов и переоформление. Что после этого мы сможем спокойно...

Она не закончила.

Я села напротив.

— Мам, похоже, он ничего не решил.

— Не говори так.

— Я не хочу так говорить. Но мы были там. Человек у двери сказал, что помещение больше не принадлежит нашей семье.

Фiona отодвинула стул.

— То есть деньги просто ушли?

— Фион, — сказала мама.

— Нет, я спрашиваю. Мы отдали ему деньги, и он что? Просто забрал ресторан?

Ева сжала руки в кулаки. Обычно в такой момент она уже сказала бы что-нибудь злое. Сейчас молчала.

Дэн прошёл на кухню.

— Пока рано говорить, что именно он сделал. Сначала

нужно посмотреть документы.

Фиона повернулась к нему.

— Но ресторана уже нет.

Он не стал спорить.

— Судя по тому, что мы увидели сегодня, права могли перейти.

Мама закрыла глаза.

Я смотрела на неё и впервые за всё утро почувствовала не злость, а страх. Не свой.

Мамин.

— Я уже написал маме, — сказал Дэн. — Она готова посмотреть документы. Попросила собрать всё: договоры, переводы, переписки, выписки. Любые бумаги, которые приносил Мартин. Даже то, что кажется неважным.

Мама открыла глаза.

— Дэн, я очень благодарна, но мы не можем сейчас оплачивать юриста.

— Она не об этом говорила.

— Но это её работа.

— Именно поэтому она сначала посмотрит. Бесплатно.

Ева наконец повернулась от окна.

— Эмма, пожалуйста, не спорьте с человеком, который принёс нам юриста. Вселенная хотя бы один раз не только пнула нас, но и кинула бинт.

Дэн покосился на неё.

— Бинт?

— Я сейчас на метафорах выживаю. Не придирайся.
Никто не улыбнулся.

Мама положила ладонь на документы.

— Что сказала Джулия?

Дэн стал серьёзнее.

— Если Мартин получил подписи через обман, скрыл условия или обещал одно, а в документах оказалось другое, можно попытаться это оспорить. Нужно проверить, как прошла передача прав, запросить выписки. Возможно, получится остановить часть процессов. Но мама сказала не надеяться на чудо сразу.

Я услышала слово «чудо» и вспомнила, как папа однажды сказал:

«Чудо — это когда пожарные приехали до пожара. Всё остальное — работа».

— А дом? — спросила мама.

Она произнесла это слово тише остальных.

Фиона посмотрела на неё.

— Что — дом?

Мама не ответила.

Я медленно повернулась к ней.

— Мам.

Она смотрела на собственную ладонь поверх документов.

— Дом был под залогом.

Фиона встала.

— Что?

— Фиона...

— Нет. Что значит дом был под залогом?

— Мы думали, это временно. Мартин сказал, что так будет проще получить деньги и решить вопрос с рестораном. Что потом всё вернётся.

— Он сказал, — повторила Фиона. — Он сказал?

Ева отвернулась к окну.

И это напугало меня почти так же сильно, как слова про дом.

Ева всегда находила, что сказать. Даже когда не надо. Особенно когда не надо. А сейчас стояла к нам спиной и смотрела во двор.

Дэн опустил взгляд на стол.

Дом.

Я подумала не о комнатах и не о мебели.

О террасе.

О старых подушках в углу. О гирлянде, которую мы с Евой повесили в четырнадцать лет, а папа каждый год грозился снять, потому что «она пережила уже три правительства и два ремонта». О пустом горшке, в котором Фиона в детстве прятала конфеты. О сколе на кухонном столе и о том, что мама всё время оставляла кофту на одном и том же стуле.

— Если с рестораном всё плохо, дом тоже могут забрать?

Мама посмотрела на меня.

И я увидела, что она не просто устала.

Она была напугана.

— Да, — сказала она. — Могут.

На кухне стало тихо.

Даже Ева ничего не сказала.

Дэн положил ладонь на край стола.

— Поэтому документы нужно смотреть сейчас. Не через неделю и не после нового письма.

Фиона резко вытерла лицо рукавом, хотя слёз ещё не было.

— А если не получится?

Дэн не ответил сразу.

Я знала: если он молчит, красивого ответа нет.

— Тогда будем думать дальше.

— Это не ответ.

— Это честный ответ.

Фиона отвернулась.

Мама закрыла лицо руками.

Мне хотелось сказать, что мы справимся. Что я найду ещё одну работу. Что можно что-нибудь продать, договориться об отсрочке, придумать план.

Но я не знала, что именно предлагать.

В дверь позвонили.

Я повернула голову.

— Это Роберт.

Ева молча взяла со стола телефон и начала крутить его в руках.

Я вышла в коридор.

Роберт стоял на площадке в рабочей рубашке. Волосы были чуть растрёпаны, телефон всё ещё зажат в руке. Он посмотрел на меня так внимательно, что мне на секунду захотелось закрыть дверь и прислониться к ней спиной.

Не потому, что я не хотела его видеть.

Просто ещё один человек, которому нужно всё объяснять, был сейчас больше, чем я могла выдержать.

— Привет, — сказала я.

— Привет.

Он сразу посмотрел за моё плечо.

— Что происходит?

— Заходи.

В кухне Роберт остановился у порога и быстро оглядел всех: маму, Фиону, Еву, Дэна, документы и белый пакет на столе.

— Я так понимаю, всё плохо.

Ева подняла глаза, но промолчала.

Роберт поставил на стол небольшую коробку с пирожными и упаковку таблеток от головной боли.

— Я подумал, вы сегодня, наверное, ничего нормального не ели. И это на всякий случай.

Мама посмотрела на коробку так, будто не сразу поняла, что ей предлагают не решение, а просто что-то к чаю.

— Спасибо, Роберт.

— Да не за что.

Фиона покосилась на пирожные.

— Там шоколадные есть?

— Два. Я помню, что ты не признаёшь десерты без шоколада.

Фиона уже открыла рот, будто собиралась ответить резко, но в итоге только кивнула.

— Спасибо.

Я немного выдохнула.

Вот за это я и любила Роберта. Он мог позвонить пять раз подряд, задать вопрос не в тот момент, начать решать проблему раньше, чем люди успевали понять, что чувствуют. Но он замечал мелочи.

Мамины головные боли.

Любимые пирожные Фионы.

То, что я опять не ела.

— Можно посмотреть? — спросил он, кивнув на документы.

Мама подвинула к нему часть бумаг.

— Конечно.

Роберт просмотрел первый лист, потом второй. Юридическую часть он понимал не лучше нас, но всё равно пытался найти хоть что-то полезное. Через несколько минут он положил бумаги обратно.

— Я могу поговорить с отцом. У нас в офисе вроде искали человека на административную работу. Или в клиентский отдел. Это не решит всё, я понимаю. Но хотя бы стабильная зарплата на первое время.

Мама сразу подняла глаза.

— Роберт, спасибо. Правда. Но я не могу просто так...

— Это не просто так. Отец всё равно ищет человека. Я могу только спросить. Если вам не подойдёт, ничего страшного.

Фиона уставилась в чашку.

— То есть мама теперь ещё и работу должна искать.

— Фион, — тихо сказала мама.

— Я не против. Просто уточняю, на каком уровне ада мы находимся.

Ева коротко выдохнула носом, но ничего не сказала.

Роберт посмотрел на Фиону без обиды.

— Я не хотел, чтобы это прозвучало как «вы должны».
Просто пусть будет ещё один вариант.

Он правда хотел помочь.

Злиться на него за это было бы несправедливо.

— Спасибо, — сказала я.

Роберт посмотрел на меня.

— Я просто хочу быть полезным.

— Я знаю.

Мама кивнула.

— Сначала я поговорю с Джулией. Посмотрю, что она скажет по документам. А потом, если будет нужно, буду благодарна за контакт твоего отца.

— Конечно. Без давления.

Он сказал это быстро, почти заранее.

Я заметила, но решила, что сейчас услышала больше, чем он вкладывал.

Мама встала и включила чайник.

— Чаю кто-нибудь хочет?

— Я, — сказала Фиона и посмотрела на коробку. — И шоколадное.

— Вот это уже план, — пробормотала Ева.

Роберт чуть улыбнулся.

Я взяла чашку, залила пакетик кипятком и сразу обхватила горячую керамику ладонями. Тепло почти доходило до боли, но отпустить не хотелось.

Роберт потянулся, чтобы отодвинуть чашку от края стола, и тут же убрал руку.

— Чёрт.

— Что?

Он посмотрел сначала на пальцы, потом на чашку в моих руках.

— Я знаю, что ты пьёшь всё адски горячим, но это уже не чай. Это оружие.

Фиона достала пирожное.

— Она с детства такая. Папа говорил, что у неё внутренний бойлер.

— Я серьёзно, — сказал Роберт. — Ты вообще чувствуешь, насколько она горячая?

Я посмотрела на свои ладони.

Кожа даже не покраснела.

— Нормально.

На секунду в кухне стало легче. Фиона откусила пирожное, Ева почти улыбнулась.

Я поставила чашку на стол. Роберт ещё немного смотрел на мои руки, но ничего не сказал.

Дэн первым нарушил паузу:

— Мама приедет утром. Я напишу, когда она точно скажет время.

Мама кивнула.

— Спасибо тебе. И ей.

— Потом. Сейчас не надо.

Ева взяла куртку со спинки стула.

— Мы, наверное, пойдём.

Я сразу повернулась к ней.

— Вы можете остаться.

— Можем. Но вам сейчас лучше немного выдохнуть.

В коридоре она обняла меня быстро и крепко, без обычного театра.

— Мы рядом, — сказала тихо. — Даже если ушли.

— Это глупо звучит.

— Зато правда.

Дэн коротко сжал моё плечо.

— Позвони, если что.

— Позвоню.

Он посмотрел внимательнее.

— Правда.

Я выдохнула.

— Правда.

Когда дверь за ними закрылась, квартира стала заметно тише.

Я вернулась на кухню. Роберт всё ещё стоял возле стола. Мама сидела рядом с документами, Фиона ковыряла пирожное вилкой и делала вид, что не слушает взрослых.

— Я правда поговорю с отцом сегодня, — сказал Роберт.

— Просто чтобы вариант был. Решать сейчас не обязательно.

— Спасибо.

Он помолчал.

— Я не хочу лезть.

— Я знаю.

— Просто когда вижу, что тебе плохо, хочется хоть что-то сделать.

Фраза была нормальной. Хорошей даже.

И всё равно за ней стояли утренние звонки, «ты где?» и «почему не сказала». Но сейчас Роберт не делал ничего плохого. Он приехал после работы, привёз таблетки, запомнил про шоколадные пирожные и попытался найти маме работу.

— Пойдём на террасу? — спросила я.

Он удивился.

— Сейчас?

— На пару минут.

Роберт посмотрел на маму, потом снова на меня.

— Хорошо.

Мы поднялись почти молча. На лестнице было прохладнее, чем в квартире, и только там я поняла, как устала от кухни: от документов, голосов и слов «дом», «залог», «работа», «юрист».

Роберт шёл за мной.

Пока мы поднимались, я вспоминала, сколько раз он действительно был рядом. Вozил меня в больницу, ждал в коридорах, забирал Фиону с занятий, когда я не успевала, помогал ей с уроками. После похорон, когда мама почти не вставала, он не исчез.

В такие моменты мне становилось стыдно за то, что иногда один его вопрос мог вывести меня из себя.

На террасе пахло влажным воздухом и пылью. Старая гирлянда висела вдоль стены уже столько лет, что давно перестала быть украшением и стала частью дома. В углу стояли сложенные стулья и коробка с вещами, которую мама начала собирать ещё вчера.

Я подошла к перилам.

Роберт остановился рядом. Некоторое время мы молчали.

— Я— Я хотелМы заговорили одновременно и оба замолчали.Роберт чуть улыбнулся.— Давай ты.

Я посмотрела на свои руки.

— Хотела сказать спасибо.

— За что?

— За всё. Не только за сегодня. За то, что приехал. За таблетки, пирожные, работу. И за то, что было раньше.

Говорить такие вещи вслух оказалось сложнее, чем я ожидала.

— Когда папа болел, ты правда был рядом. Возил меня в больницу, ждал там. Помогал с Фионой, когда я не успевала. Забирал её с занятий, сидел над уроками. Когда мама после похорон почти не вставала, ты тоже был рядом. Ты не исчез.

Роберт молчал.

Я наконец посмотрела на него.

— Я не всегда нормально это показываю. Иногда вообще никак. Но я вижу всё, что ты сделал. Правда. И я благодарна.

Его лицо смягчилось.

Он подошёл ближе и осторожно взял меня за руку.

— Мир, тебе не нужно благодарить меня. Я твой парень.

— Всё равно.

— Я рядом не потому, что жду список заслуг.

Я почти улыбнулась.

— Хорошо. Список получился бы длинным и неловким.

— Но приятно, что ты это замечаешь.

Я на секунду запнулась, но решила не искать упрёк там, где его, возможно, не было.

— Конечно замечаю.

Роберт сжал мои пальцы.

— Просто иногда мне кажется, что ты всё держишь внутри, а я стою снаружи и не понимаю, как к тебе подойти.

— Я не специально.

— Знаю. Я знаю, что тебе тяжело. Просто хочу быть рядом

по-настоящему. Не закрывайся от меня, ладно?

Он говорил искренне.

— Ладно.

Роберт притянул меня к себе и обнял.

С ним было тепло. От него пахло холодным воздухом и знакомым парфюмом. Я закрыла глаза и ненадолго позволила себе просто стоять, уткнувшись лбом ему в плечо.

Телефон завибрировал в кармане.

Я отстранилась и посмотрела на экран.

Фиона написала:

ты долго? мама легла, голова болит. выпила таблетки роберта. я тоже скоро спать, у меня после пирожных сладкий коматоз. не шумите, когда спуститесь. дверь оставляю открытой.

Я невольно улыбнулась.

— Фиона пишет. Мама легла, голова болела. Выпила твои таблетки.

— Хорошо, что принёс.

— Да.

Я убрала телефон.

— Я тоже пойду. День был слишком длинным.

— Понимаю.

Роберт не сразу отпустил мою руку.

— Напишешь перед сном?

— Напишу.

Он поцеловал меня в лоб.

— Я люблю тебя.

— Я тоже тебя люблю.

И в тот момент я не сомневалась в этом.

Мы спустились вниз. Роберт тихо попрощался у двери и ушёл.

Квартира уже почти спала.

В коридоре горел маленький свет. Из маминой комнаты не доносилось ни звука. Дверь Фионы была приоткрыта; внутри на секунду вспыхнул экран телефона и снова погас.

Я прошла на кухню.

На столе остался белый пакет с меню. Рядом стояла чашка недопитого чая, пустая коробочка от пирожных и стопка документов, которую никто так и не убрал.

Я уже собиралась выключить свет, но заметила, что из пакета выглядывает одно меню.

Я вытащила его и перевернула.

На обороте папиным крупным, неровным почерком было написано:

добавить лимонный пирог?

Слово «лимонный» было подчёркнуто три раза.

Я остановилась.

И вспомнила кухню ночью.

Фиона была маленькой, в пижаме с кроликами, красная от слёз после кошмара. Я стояла рядом, серьёзная и сонная, и держала венчик, потому что папа доверил мне «ответственный этап». Мама говорила из дверей, что нормальные люди

в три часа ночи спят.

Папа в старой футболке, с мукой на щеке, поставил перед нами маленький пирог в форме для кекса.

Край подгорел. Начинка получилась слишком жидкой. Лимон бил в язык так, что Фиона сморщилась и заявила, что у неё сломалось лицо.

Папа попробовал сам, задумался, а потом сказал:

— В ресторан такое нельзя. А для моих девочек — можно.

Я провела пальцем по надписи.

Бумага была обычной. Немного пожелтевшей, с заломом у края.

И именно от этого сильнее всего хотелось плакать.

Я оглядела кухню: скол на краю стола, мамину кофту на спинке стула, Фионину кружку с облезлой надписью, белый пакет, документы, тёмное окно.

В ресторан мы больше не могли войти. Там уже были чужой замок и чужие ключи.

Дом пока оставался нашим.

Я не знала, надолго ли.

Глава 2. Пока дом ещё наш

Я проснулась с ощущением, будто ночью не спала, а несколько часов лежала с закрытыми глазами и ждала утра.

В комнате было душно. Окно я так и не открыла, хотя перед сном собиралась. Телефон лежал рядом с подушкой, провод от зарядки запутался под одеялом.

Я повернулась на бок и несколько секунд смотрела на стену.

Сон уже распадался. От него остались серый камень, жаркий воздух и голос Аристее, сказавший перед самым пробуждением, что времени осталось мало.

Чьего времени — моего, его или какого-то Ардевана — он, конечно, не уточнил.

В последнее время сны со стариком участились. Раньше он появлялся редко и почти всегда молчал. Теперь разговаривал со мной так, будто мы давно о чём-то договорились, а я одна забыла условия.

После смерти папы психолог предупреждала, что мозг может вытаскивать старые образы и превращать их в повторяющиеся сны. Это объяснение меня устраивало. По крайней мере, оно не требовало верить в загадочного мужчину, который ждал меня в каменном зале и говорил про огонь.

Телефон завибрировал рядом с лицом.

От Евы пришло короткое:

Живы?

Дэн написал, что Джулия сможет приехать примерно к одиннадцати.

У Роберта было несколько сообщений. Первое ещё ночью:

Ты легла?

Через двадцать минут:

Мир?

И уже утром:

Проснулась? Я поговорил с отцом. Место пока свободно. Если Эмма захочет, он готов встретиться.

Я посмотрела на время.

8:12.

Вчера я обещала написать перед сном и не написала. После кухни просто дошла до комнаты, легла поверх покрывала и отключилась.

Я набрала:

Проснулась. Прости, вчера сразу уснула. Спасибо, что поговорил с отцом. Джулия будет к одиннадцати, потом скажу маме.

Ответ появился почти сразу:

Хорошо. Как вы?

Я начала печатать, потом стёрла.

Пока не знаю.

С кухни что-то звякнуло.

— Да господи, — донёсся голос Фионы.

Значит, день начался.

Я нашла тапочки и только в коридоре заметила, что спала в той же футболке, в которой вчера сидела за столом. На рукаве осталось небольшое пятно от чая. Переодеваться не хотелось, поэтому я решила считать его частью образа.

К счастью, была суббота, и Фióне хотя бы не нужно было собираться в школу. Она сидела на кухне в огромной серой толстовке. Перед ней стояла чашка, рядом лежал открытый ноутбук со статьёй о залоговой недвижимости. Фióна не читала — просто водила пальцем по тачпаду вверх и вниз.

— Ты выглядишь ужасно, — сказала она.

Я достала чашку из шкафчика.

— Доброе утро.

Фióна пробормотала что-то про честность в семье и снова уставилась в экран.

Мама вошла через несколько минут. Волосы она собрала в низкий хвост, но взгляд у неё всё ещё оставался за вчерашним столом. Она включила чайник, хотя вода в нём была горячей, и некоторое время просто стояла рядом, будто не помнила, что собиралась делать дальше.

— Я опять видела того старика, — сказала я.

Мама повернулась.

— Аристея?

Я кивнула.

— Сны участились. Он снова говорил про Ардеван и про то, что времени мало.

Мама взяла чашку, но чай не налила.

— Может, тебе стоит записывать их.

— Может быть.

В другое утро я бы начала спорить. Сегодня у нас были проблемы понятнее повторяющихся снов, и мне не хотелось добавлять к ним ещё одну.

Я села за стол, сделала глоток кофе и только тогда поняла, что забыла сахар.

Мама посмотрела на часы.

— Тебе сегодня к детям?

— Нет. Они уехали на две недели.

Семья, у которой я работала няней, собиралась в отпуск уже давно. Раньше я даже радовалась этим двум неделям: думала, что смогу взять больше смен в магазине и немного закрыть долги.

Теперь смен у меня тоже не было.

Мама, кажется, вспомнила об этом в ту же секунду.

— А в магазин во сколько?

Я провела пальцем по краю чашки.

— Ни во сколько.

Она остановилась.

— Сегодня выходной?

— Меня уволили.

Фиона перестала листать страницу.

Мама медленно села напротив меня.

— Когда?

— Несколько дней назад.

Я не собиралась скрывать это долго. Просто каждый раз находилось что-то важнее.

Менеджер терпел мои опоздания почти два месяца. Я пропускала смены, когда нужно было ехать в больницу, забирать Фиону, помогать маме или разбираться с рестораном. Иногда предупреждала заранее. Иногда звонила, когда смена уже началась. В последний раз мне сказали, что магазину нужен продавец, который действительно приходит на работу.

Спорить было не с чем.

— Почему ты ничего не сказала? — спросила мама.

— Потому что у тебя и так хватало.

— А у тебя?

Я отвела взгляд.

Фиона закрыла ноутбук.

— Это из-за нас?

— Нет.

— Но ты пропускала из-за меня тоже.

— Фион, меня уволили потому, что я не выполняла свою работу. Не надо брать это на себя.

Произнести это спокойно оказалось сложнее, чем я ожидала.

Мама долго смотрела на меня.

— Ты не можешь решать за нас, какую правду мы выдержим.

Фраза задела, но ответить было нечего.

— Я найду что-нибудь другое, — сказала я. — Семья вер-

нётся через две недели. До этого посмотрю вакансии, может, возьму ещё детей.

Мама хотела продолжить, но в конце концов только кивнула.

Фиона развернула ноутбук к себе.

— Значит, на сегодня у нас ресторан, дом, безработная Мира и юрист в одиннадцать.

— Очень бодрая сводка.

— Я ещё не закончила. У нас есть моя система документов.

Она вытащила из-под ноутбука пачку цветных стикеров.

Следующие полчаса мы перебирали бумаги.

Мама приносила папки из спальни и гостиной. Я искала переводы, переписки с Мартином и фотографии подписанных листов. Фиона раскладывала всё по стопкам, споря почти с каждым документом отдельно.

Постепенно на столе появились подписи:

Мартин.

Банк.

Ресторан.

Дом.

Самую маленькую стопку Фиона назвала:

Хрень непонятная.

Мама посмотрела на стикер.

— Может, переименуем?

— Нет. Это юридически точное название.

Я взяла один из договоров и поняла, что уже третий раз читаю одну и ту же строку.

До приезда Джулии оставалось почти два часа.

Мы больше ждали, чем работали. Мама ходила по кухне и периодически забывала, зачем встала. Фиона перекладывала документы, находила новый лист и начинала спорить с собственной системой. Я то открывала телефон, то закрывала его, не отвечая никому, и смотрела в окно на двор, где соседка с третьего этажа ругалась с курьером из-за пакета с продуктами.

В обычный день это было бы смешно.

Сегодня — просто шумно.

В 10:57 Дэн написал:

Мы во дворе.

Фиона сразу посмотрела на свою толстовку.

— Мне надо переодеться?

Я оглядела её, потом себя.

— Думаю, наш кризис переживёт твой внешний вид.

— А твой?

— Мой уже стал частью кризиса.

В дверь позвонили через две минуты.

Мама поднялась первой, но у выхода из кухни остановилась и посмотрела на меня.

— Всё будет нормально? — спросила она тихо.

Мне очень хотелось сказать «да».

Но после вчерашнего это слово стало слишком большим.

— Сейчас узнаем, что можно сделать.

Мама кивнула и пошла открывать.

Из коридора донёсся голос Дэна:

— Мам, только не начинай сразу с тяжёлого. Они не спали.

Женщина ответила спокойно:

— Дэниел, если ты собираешься объяснять мне, как разговаривать с людьми, выбери другой день.

Фиона посмотрела на меня.

— Я её обожаю.

Впервые за утро я улыбнулась нормально.

Мама вернулась на кухню. За ней вошёл Дэн с бумажным пакетом в руках, а следом — Джулия.

На ней было светлое пальто, через плечо висела кожаная сумка. Волосы собраны, на лице — та самая тёплая улыбка, которую я помнила с детства. Джулия часто забирала Дэна после наших вечеров на террасе, иногда ругала нас за шум, иногда приносила что-нибудь сладкое и всегда делала вид, что не замечает, как Ева забирает самый большой кусок.

Она остановилась у входа.

— Так. Кого сначала обнимать, а кого сразу спасти?

Фиона подняла руку.

— Меня можно сразу спасти.

— Тебя отдельно.

Джулия подошла и обняла её за плечи.

— Ты у нас самая громкая паника.

— Почему сразу громкая?

— Потому что я знаю тебя с восьми лет.

Фиона на секунду прижалась к ней, потом быстро отстранилась и поправила толстовку.

Джулия обняла маму уже дольше.

— Эмма, милая, держишься?

— Пытаюсь.

— Сегодня этого достаточно.

Дэн поставил пакет на стол.

— Я купил булочки.

Фиона сразу заглянула внутрь.

— С чем?

— С корицей, с сыром и какие-то с яблоком. Я запаниковал у витрины.

Джулия посмотрела на сына.

— Дэниел, ты паникуешь у витрины даже тогда, когда покупаешь хлеб.

— Потому что выбор — это давление.

Фиона достала булочку.

— Не вижу проблемы.

Мама уже открывала шкафчик.

— Чай? Кофе? Джулия, прости, я ничего не приготовила

— Эмма, пожалуйста. Я не на завтрак пришла. Чай есть?

— Есть.

— Значит, всё прекрасно.

Я достала ещё две чашки.

— Тебе чёрный?

Джулия улыбнулась.

— Вот теперь я узнаю девочку, которая знает меня половину жизни.

На несколько минут кухня стала почти обычной: чашки, ложки, пакет с булочками, Фиона, которая уже ела одну и смотрела на вторую, Дэн, молча подвинувший пакет ближе к ней, и мама, которой наконец было чем занять руки.

Джулия сняла пальто, села за стол и достала блокнот.

— Начнём не с документов. Расскажите человеческую версию. Коротко, без номеров договоров и банковских терминов.

Мама посмотрела на меня.

Я села напротив Джулии и обхватила чашку руками.

— После смерти папы ресторан начал тонуть. Долги, поставщики, старые платежи, ремонт. Мартин, папин знакомый, знал ресторан и говорил, что может помочь всё переоформить и сохранить помещение. Сначала просил небольшие суммы. Потом больше. Всё время говорил, что нужно срочно, иначе будет хуже.

Говорить о последних месяцах такими словами было странно.

Долги.

Платежи.

Переоформление.

Как будто папин ресторан развалился не из-за того, что он

заболел, мама перестала справляться, а я пыталась одновременно работать, учиться и жить в больничных коридорах, а из-за неправильно заполненной таблицы.

— Мама подписывала то, что он приносил, — продолжила я. — Он говорил, что это временно. Вчера нам позвонили и велели освободить ресторан. Мы поехали туда. Замок уже сменили, вывеску сняли. Нам сказали, что помещение больше не принадлежит семье.

Джулия слушала, не перебивая.

Это помогало.

— Дом тоже связан с ним, — тихо сказала Фиона.

Джулия повернулась к маме.

— Залог?

Мама кивнула.

— Мартин сказал, что это временно. Что так будет проще получить деньги.

Несколько секунд Джулия молчала. Потом записала что-то в блокнот.

— Поняла. Значит, у нас ресторан, переводы, залог по дому и человек, который очень любил слово «срочно».

— Ещё стопка «Хрень непонятная», — сказала Фиона.

Джулия посмотрела на стикер и улыбнулась.

— Отлично. Её тоже не трогаем. Иногда самое полезное лежит именно там.

Фиона бросила на маму победный взгляд.

— Я молчу, — сказала та.

Джулия открыла первую папку.

— Сразу договоримся: я семейный юрист. Разводы, имущество, опека, иногда наследство. С недвижимостью и мошенничеством работала, но не буду изображать человека, который сейчас за десять минут решит всё сам. Я посмотрю документы и подключу коллегу, который занимается такими делами постоянно.

Мама напряглась.

— То есть ты не сможешь помочь?

— Смогу. Просто не одна. Это хорошая новость. Если у тебя сломалась машина, ты ведь не хочешь, чтобы её чинил человек, который однажды видел колесо.

Мама кивнула.

— Что нам сейчас делать?

— Ничего не подписывать. Вообще. Не отправлять документы людям, которые будут вас торопить. Не обещать решить что-то «сегодня до вечера». Если звонят — говоришь, что вопросом занимается юрист, и берёшь паузу.

Она перебрала первые листы.

— Я посмотрю, что у вас есть, заберу копии и составлю список того, чего не хватает. Оригиналы без необходимости из дома не отдаём.

— А дом могут забрать? — спросила Фиона.

Джулия не стала отвечать сразу.

— Теоретически — да. Но это не значит, что сегодня вечером кто-то придёт с коробками и попросит вас выйти. Для

таких вещей существуют уведомления, сроки и процедуры. Сначала нам нужно понять, где именно вы сейчас находитесь и что уже успели оформить.

— То есть паниковать рано?

— Паниковать можно, — сказала Джулия. — Но по очереди и недолго. Потом работаем.

Фiona посмотрела на меня.

— Она точно мама Дэна.

Дэн закатил глаза.

— Спасибо.

Джулия продолжила листать бумаги, потом подняла взгляд на маму.

— И ещё. Не начинай сейчас разбирать, где ты была глупой и что должна была понять раньше. Люди подписывают плохие документы не потому, что они идиоты. Иногда им страшно, они устали и очень хотят поверить человеку, который обещает выход.

Мама опустила глаза.

Я не знала, что сказать.

Потому что сама с утра занималась примерно тем же самым — только не вслух.

Через некоторое время Джулия отложила очередной лист и посмотрела на меня.

— Дэниел, выведи Миру на воздух минут на десять.

Я подняла голову.

— Зачем?

— Потому что ты уже несколько минут держишь пустую чашку так, будто она лично виновата в происходящем. И потому что ещё одно слово «залог» — и ты либо упадёшь, либо расплачешься.

Мама чуть кивнула.

— Иди. Я не одна.

— Мам...

— Правда. Иди.

Дэн встал.

— Терраса?

Я посмотрела на маму, Джулию и стол, почти полностью скрытый бумагами.

— Терраса.

Уже в коридоре я услышала голос Джулии:

— Теперь спокойно. Когда Мартин впервые предложил помощь?

Я остановилась.

Потом всё-таки пошла за Дэном.

На террасе было прохладнее, чем в квартире.

Я сразу подошла к перилам. Внизу хлопнула дверь машины, где-то во дворе засмеялся ребёнок. Старая гирлянда вдоль стены не работала уже несколько дней, но её никто не снимал. Она висела рядом с подушками и пуфиком, на который Ева когда-то пролила лак для ногтей, а потом три недели доказывала, что «так даже красивее».

Дэн прикрыл за собой дверь.

— Джулия меня выгнала?

— Немного.

— Я так и поняла.

— Справедливо. Ты сидела так, будто ещё одна плохая новость — и ты начнёшь бросаться булочками.

Я посмотрела на него через плечо.

— Булочки хорошие. Не стала бы тратить.

— Значит, заплакала бы.

— Тоже спорно.

Дэн подошёл и остановился рядом, не слишком близко.

С ним всегда было удобно именно из-за этого. Он не нависал, не пытался сразу обнять, не говорил «ну расскажи», как будто у меня внутри есть кнопка, которую можно нажать. Просто вставал рядом, и через какое-то время говорить становилось легче.

Мы немного постояли молча.

— Я должна была остановить маму, — сказала я.

Дэн не повернулся, только чуть поднял голову.

— Когда?

— Когда она впервые рассказала про залог. Я должна была проверить Мартина, документы, хотя бы имя в интернете. Сказать, что мы не будем ничего подписывать, пока нормальный юрист не посмотрит.

— Ты тогда знала, что он обманывает?

— Нет.

— Мама знала?

— Нет.

— Тогда что именно ты должна была остановить?

Я сжала пальцы на перилах.

— Не знаю. Всё.

Он тихо выдохнул.

— Мира, ты работала на двух работах, почти жила в больнице, потом занималась похоронами, счетами и Фионой. Ты была дочерью Артура, а не семейным юристом.

— Но я согласилась, что Мартин может помочь.

— Потому что он говорил уверенно и обещал решить то, с чем вы сами не справлялись.

— Всё равно.

— Я знаю, что «всё равно». Ты сейчас найдёшь способ обвинить себя даже в погоде. Но это не сделает тебя правой.

Я посмотрела на него.

— Ненавижу, когда ты говоришь разумные вещи.

— Поэтому делаю это редко.

У меня вырвался короткий смешок.

Телефон завибрировал в кармане.

Ева прислала три сообщения подряд:

Я могу приехать?

Дэн с мамой уже у вас?

Если он купил булочки и не оставил мне, дружба официально закончена.

Я показала экран Дэну.

Он прочитал.

— Я купил достаточно.

— Это ответ на все три вопроса?

— В целом да.

Я набрала:

Приезжай. Булочки ещё есть.

Ответ появился сразу:

Выезжаю. Не принимайте важных решений без меня.

Я убрала телефон.

— Будет через двадцать минут.

— Значит, через десять.

— Тоже правда.

Мы ещё немного постояли возле перил. Дэн не возвращался к разговору, и я была ему за это благодарна.

Когда Ева появилась на террасе, Джулия всё ещё разбира-
ла бумаги.

Ева вошла с сумкой на плече и таким видом, будто не при-
ехала в гости, а ворвалась на заседание, где без неё уже успе-
ли всё испортить.

— Где булочки?

Дэн посмотрел на меня.

— Я же говорил.

— Сначала спроси, как мы, — сказала я.

Ева быстро осмотрела меня.

— Плохо. Дэн жив. Теперь где булочки?

— На кухне.

Она бросила сумку рядом с пуфиком.

— Я сейчас вернусь. Не начинайте заново страдать без меня.

Через несколько минут Ева поднялась с водой, тремя стаканами и последней булочкой.

— Я спасла её от одиночества.

— Она была моя, — сказал Дэн.

— В такие времена частная собственность — спорная концепция.

— Моё имущество?

— На нужды дружбы.

Они начали спорить, а я впервые за день рассмеялась не потому, что кто-то ждал реакции.

Ближе к часу Джулия закончила. Она забрала копии документов, записала номера телефонов и пообещала созвониться с коллегой до следующего вечера.

Перед уходом она обняла маму ещё раз и сказала:

— Сегодня больше ничего не подписываешь и никого не спасаешь. Ешь, спишь, отвечаешь только мне.

— Постараюсь.

— Не постарайся. Сделаешь.

Мама впервые за день почти улыбнулась.

После Джулии квартира будто выдохнула, но легче не стало. Мама сказала, что ляжет. Фиона ушла в комнату с ноутбуком и сообщила, что будет «не паниковать горизонтально».

Мы с Евой и Дэном снова поднялись на террасу.

Остаток дня растянулся сам собой.

Сначала мы собирались посидеть на террасе десять минут. Потом ещё десять. Потом Ева вспомнила, как в десятом классе сбегала с последних уроков и приходила сюда ждать меня, потому что мы учились в разных школах, а сидеть одной, по её словам, было «трагично, но эстетично».

Я вспомнила бутылку дешёвого вина, которую мы притащили наверх в пятнадцать лет и закусывали шоколадом, потому что денег на нормальную еду не было, а почувствовать себя взрослыми хотелось очень сильно.

Дэн, учившийся с Евой в одной школе, смотрел на нас с выражением глубокой обиды.

— Я до сих пор считаю это предательством.

— Вино? — спросила я.

— То, что вы меня не звали, но Ева каждый раз забирала шоколадки из моего рюкзака.

— Не забирала, а перераспределяла, — сказала Ева.

— Моё имущество?

— Настоящая дружба не задаёт таких мелочных вопросов.

К вечеру стало холоднее.

Мы спустились переодеться. Я вернулась в мягкой домашней толстовке. Ева нашла у меня свою старую, когда-то оставленную «на всякий случай». Дэну мама дала папину — большую, тёмную, с растянутыми рукавами.

Он сначала хотел отказаться.

— Эмма, не надо. Я нормально.

— Наверху холодно.

— Я могу взять плед.

— Дэн.

Он замолчал и надел толстовку поверх футболки.

Я заметила её на нём уже на террасе.

Папина одежда сидела на Дэне свободнее. Рукава закрывали половину ладоней. На груди осталось маленькое выцветшее пятно от соуса, которое папа так и не смог вывести.

Я отвела взгляд.

Ева уже доставала телефон.

— Всё. Заказываю пиццу.

Дэн сел на старый стул.

— А спросить?

— Спрашиваю. Пепперони или курица?

— Это не вопрос. Это ограниченный выбор.

— Именно так работает демократия.

Она посмотрела на меня.

— Ты что будешь?

— Мне всё равно.

— Нет. Сегодня никому не всё равно. Сегодня мы выбираем пиццу как люди, у которых осталась хотя бы одна контролируемая часть жизни.

Дэн кивнул.

— Тогда без ананасов.

— Вот. У человека есть убеждения.

Мы заказали две пиццы. Ева сказала, что одна — грустно, а три — уже отрицание реальности.

Курьер приехал через сорок минут. Дэн спустился за заказом, а Ева встретила коробки так, будто он принёс гуманитарную помощь.

Мы ели на террасе, сидя на старых подушках. Салфетки разлетались от ветра, стаканы с водой постоянно терялись, сыр тянулся слишком длинными нитями, и на какое-то время разговоры перестали быть о доме.

Ева оглядела старую гирлянду, подушки, коробки от пиццы и темнеющее небо.

— Давайте останемся здесь на ночь.

Дэн медленно повернул к ней голову.

— Нет.

— Ты даже не выслушал.

— Я знаю поставщика идеи.

— Послушайте. Мы не знаем, что будет через неделю. Может, дом останется нашим. Может, нет. Может, Джулия всё решит, а может, нас ещё долго будет мотать по банкам и юристам. Но сегодня терраса наша.

Она перевела взгляд на меня.

— Предлагаю не делать ничего полезного. Принести сюда пледы, чай, зарядки и встретить рассвет.

Идея была глупой.

Непрактичной.

Совершенно не взрослой.

И именно поэтому мне захотелось согласиться.

— Вино не предлагаю, — продолжила Ева. — Мы выросли. Теперь у нас чай, пицца и проблемы с недвижимостью.

Дэн вздохнул.

— Я принесу плоды.

Ева улыбнулась.

— Вот видишь. Ты уже в команде.

— Я в команде против переохладения.

— Команда есть команда.

Я посмотрела на старую гирлянду, на пуфик с пятном от лака, на дверь, за которой оставались документы, мама, Фина и всё то, что утром снова придётся решать.

— Хорошо, — сказала я. — Остаёмся.

Ева довольно кивнула.

— Тогда официально объявляю: сегодня мы не спасаем жизнь. Сегодня мы сохраняем террасу.

— Юридически сомнительно, — заметил Дэн.

— Эмоционально безупречно.

Я взяла телефон.

Сначала открыла переписку с мамой.

Мы с Евой и Дэном хотим остаться на террасе до утра. Ты не против?

Ответ пришёл не сразу.

Если оденетесь теплее и не будете шуметь. И оставь телефон со звуком.

Хорошо. Спокойной ночи.

Спокойной ночи.

Только после этого я открыла переписку с Робертом.

— Напишу Роберту. Может, тоже придет.

— Конечно, — сказала Ева. — Только предупреди, что самый мягкий плед уже занят.

— Тобой? — спросил Дэн.

— Мной.

Я открыла переписку с Робертом.

Мы решили остаться на террасе до утра. Тут пицца, чай и гора пледов. Приезжай тоже. Я хочу, чтобы ты был с нами.

Ответ пришёл через пару минут.

До утра? На террасе?

Я:

Да.

Роберт:

Там холодно. Вы завтра вообще не сможете встать, а тебе ещё нужно разбираться с домом.

Я посмотрела на Дэна, который в этот момент пытался плотнее прикрыть заедающую дверь на лестницу, и на Еву, заворачивавшуюся сразу в два пледа.

Роберт говорил разумные вещи.

Но сегодня разумные вещи мне уже надоели.

В этом и смысл. Один вечер ничего не решать и не думать о завтра. Приезжай.

Три точки возле его имени появлялись и исчезали

несколько раз.

Роберт:

Если тебе хочется посидеть, давай Ева с Дэном потом разойдутся. Я приеду, и мы побудем вдвоём. Можем разговаривать хоть до утра.

Я перечитала сообщение.

Я:

Я не хочу, чтобы они расходились. Мне сейчас хорошо именно так. Я хочу, чтобы мы остались вчетвером. Они тоже будут рады, если ты приедешь.

Ева заглянула через моё плечо.

— Напиши, что у нас ещё есть пицца.

— Не читай.

— Я не читаю.

Я отодвинула телефон подальше.

Роберт ответил:

Не сегодня, Мир. Я хотел провести время с тобой, а не сидеть компанией до утра. Оставайся с ними, я всё равно уже собирался спать. Утром заеду.

Я почувствовала лёгкое разочарование.

Не обиду. Он имел право не хотеть приезжать. Просто я действительно хотела увидеть его здесь — не вместо Евы и Дэна, а вместе с ними.

Я:

Хорошо. Только напиши заранее, прежде чем приедешь.

Роберт:

Напишу. Люблю тебя.

Я:

Люблю. Спокойной ночи.

Я убрала телефон.

— Не приедет? — спросила Ева.

— Нет. Устал и хочет спать.

— Разумный человек, — сказал Дэн.

— Скучный человек, — поправила Ева и сразу добавила:

— Но это его выбор. Самый мягкий плед всё ещё мой.

Дэн пошёл за чайником, Ева принялась устраивать подушки, а я ещё раз посмотрела на последнее сообщение.

Внизу всё ещё были Мартин, долги, дом под залогом и вопросы, на которые пока никто не мог ответить.

Но наверху были Ева, Дэн, пледы, чай и коробки из-под пиццы.

Дом всё ещё был нашим.

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.